

Эти слова лишь накалили обстановку.

Фан Лижань еще не успел придумать, что ответить, как вдруг заметил, что Юйчи Чэнъян прошел мимо него в сторону.

В этот критический момент он, казалось, необъяснимым образом заинтересовался орудиями пыток.

Осмотрев их несколько раз и выбрав те, что поудобнее, он взвесил их в руке и обернулся:

— Вещицы из Ведомства наказаний, конечно, так себе, но сгодятся.

Он добавил, обращаясь к Фан Лижаню:

— Раз уж они не могут выбить из него признание, позвольте мне заняться этим лично.

Вопрос был чисто формальным, и кто бы посмел ему отказать?

Остальные, поняв, что их помощь больше не требуется, поспешили отойти подальше, чтобы ненароком не попасть под горячую руку.

Юйчи Чэнъян подошел к тому самому стражнику, который только что кричал, развязал его связанные руки и вытянул одну ладонь вперед:

— Сейчас тебе очень больно, верно? Но даже если я буду ломать тебе каждый сустав на пальцах по очереди, заставляя чувствовать, будто ты вот-вот умрешь, знай: пока ты дышишь, ты поймешь, что загонять иглы в живот или заливать расплавленное железо в разрезы на теле — куда больнее.

— Это методы для вражеских шпионов. То, что я применяю их к тебе, — уже своего рода честь.

Юйчи Чэнъян говорил легко и непринужденно, однако у всех присутствующих, кроме него самого, волосы встали дыбом.

Едва закончив фразу, он принялся за дело — чисто и без колебаний.

Стражник, который два дня не смыкал глаз, уже почти терял сознание и не имел сил даже плакать, но эта пронзающая до костей боль заставила его снова истошно завопить.

Юйчи Чэнъян намеренно не стал затыкать ему рот. С одной стороны, чтобы тот в любой момент мог заговорить и выдать то, что нужно.

С другой стороны — чтобы проучить остальных.

Фан Лижань оказался той самой обезьяной, которую решили проучить, чтобы напугать остальных.

Ему даже не нужно было видеть саму казнь: одного вида Юйчи Чэнъяна в этом мрачном подземелье было достаточно. Он словно растворился в тенях, пропитанных запахом крови, и лишь тусклый свет масляной лампы выхватывал фрагменты его лица. Фан Лижаню казалось, что перед ним не человек, а призрак.

Любой, кто посмотрел бы на него сейчас, принял бы его за демона, сбежавшего из преисподней, способного потягаться с любым злодеем из телесериалов.

Но в сериалах хотя бы накладывают цензуру, а здесь — полное погружение и наблюдение в упор.

Это было пыткой не только для стражника, но и для всех, кто находился в этой комнате.

— А-а-а!

Крик стражника пронзил уши. Кровавое зрелище с разрываемой плотью и ломающимися костями было невыносимым даже для людей из Ведомства наказаний. Они один за другим покинули подземелье, а Ли Энь и вовсе выскочил наружу и, прислонившись к стене, начал истошно рвать.

Только Фан Лижань остался стоять на месте.

Даже в полумраке было видно, как он побледнел, утратив всякое подобие жизни. Желудок скрутило, спина взмокла от холодного пота, а руки, спрятанные в широких рукавах, сжались в кулаки так сильно, что побелели костяшки — лишь бы не дрожать.

— Спро... — наконец выдавил из себя стражник.

Юйчи Чэнъян остановился, ожидая продолжения.

Фан Лижань, пересиливая тошнотворный запах крови, подошел ближе, чтобы расслышать слова.

— Павильон Вэньсян... Это люди из Павильона Вэньсян. Клянусь, это всё, что я знаю, больше ничего нет. Умоляю, убейте меня...

Разве может человек лгать в таком состоянии?

Юйчи Чэнъян наконец поднял голову. Фан Лижань смотрел на него: на щеке виднелись брызги крови, и казалось, что его глаза тоже залиты этой алой пеленой. Он был совсем рядом.

В этот миг Фан Лижань понял, почему Юйчи Чэнъян был способен в одиночку противостоять десятку врагов на поле боя.

Напряжение, нараставшее все это время, достигло предела, и тонкая струна внутри лопнула.

Перед глазами Фан Лижаня потемнело, и он безвольно рухнул в обморок.

<http://bllate.org/book/21618/2229958>